

УДК 321(045); DOI 10.26794/2226-7867-2018-7-1-24-31

«СОВЕТСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»: ГЛАВНЫЙ «КАПИТАЛ» РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Зудин Алексей Юрьевич,

старший преподаватель, Московский институт международных отношений (МГИМО) МИД РФ; член Экспертного совета, Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ), Москва, Россия
azudin@inbox.ru

Аннотация. В статье делается попытка обозначить основные подходы к переосмыслению «советского наследия» («капитала» революции 1917 г.) в терминах современного социо-гуманитарного знания. Великая русская революция 1917 г. рассматривается в одном ряду с Английской революцией XVII в. и Великой французской революцией XVIII в. как способ перехода в Современность – новую эпоху в развитии человечества, в которой социальное устройство и политический порядок становятся частью «рукотворного мира». Для понимания особенностей русской революции 1917 г. привлекаются три концептуальных подхода: метафора «созидательного разрушения» (К. Маркс, Й. Шумпетер), теория «множественной Современности» (Ш. Эйзенштадт) и категория «долгого времени» (Ф. Бродель). В новой системе координат революция 1917 г. предстает как повторное включение России в пространство Современности, результатом которого стал феномен «советской современности». Его содержание определяется прежде немислимыми «синтезами» утопии, архаики и традиции, которым открывает дорогу революционный переворот и которые в своем развитии подчиняются цивилизационной логике «долгого времени». В качестве формулы «советского наследия» предлагается новая расшифровка знакомой аббревиатуры – СССР: «Современность» + «Суверенитет» + «Сверхдержава» + «Развитие». Дается краткая характеристика каждой из четырех составляющих наследия русской революции 1917 г. Советская версия «государства-цивилизации» позволяет России вырваться из «когнитивной ловушки» «универсалистских идеологий» начала XX в. и восстановить модель развития с опорой на самостоятельное целеполагание. Для понимания советского политического строя привлекается концепция «плебисцитарной демократии» М. Вебера, а также политический опыт стран Европы и Азии в период между Первой и Второй мировой войны. По мнению автора, особое значение для политического анализа советского строя имеет практика «государства развития» – полит-экономического феномена, заявившего о себе во второй половине XX века в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки.

Ключевые слова: «созидательное разрушение» К. Маркса и Й. Шумпетера; термидор, «множественная современность» Ш. Эйзенштадта; «советская современность»; «время большой длительности» (“la longue durée”) Ф. Броделя; «партия-государство»; теория «плебисцитарной демократии» М. Вебера; «нелиберальная демократия»; «государство-цивилизация»; «государство развития»; «модернизационные ловушки»; суверенное развитие.

“SOVIET MODERNITY”: THE PRINCIPAL ASSET OF RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

Zudin A. Yu.,

Senior Lecturer at Moscow State Institute of International Relations, Ministry of International Relations, Russian Federation, Moscow, Russia; The member of the Council of Experts at the Institute for Socio-Economic and Political Research
azudin@inbox.ru

Abstract. *This paper presents an attempt to reconceptualize the foundations of the “Soviet legacy” in terms of modern social and human sciences. The Russian Revolution of 1917, along with English Revolution of the XVII Century and French Revolution of XVIII Century the Russian Revolution of 1917 is considered as a mode of transition to Modernity. In order to advance academic knowledge of particular qualities of Russian Revolution of 1917 three concepts are used: “creative destruction” (K. Marx and J. Schumpeter), ‘Multiple modernities’ (S. Eisenstadt) and «la longue durée» (F. Brodel). In this conceptual framework the Russian Revolution of 1917 appears as a second inclusion in the processes of Modernity, which epitomized in the Soviet variation of Modernity. “Soviet Modernity” was characterized by “incredible syntheses” of utopia, archaic and tradition, made possible by the revolutionary upheaval, but informed by civilizational logic of «la longue durée». The ultimate result was the establishment of the Soviet variation of “State-Civilization”. It is proposed that the Soviet legacy could be summed up in a four-part formula: “Modernity” + “Sovereignty” + “Super-Power” + “Development”. The Soviet variation of “State-Civilisation” made it possible for Russia to escape from the “cognitive trap” of “universalist ideologies” of the early XX Century and to reestablish ‘sovereign’ model of development, based on the independently designed strategies. Of special interest for political analysis of the Soviet system are practices of ‘developmental states’ of the second half of the XX Century in Europe, Asia and Latin America.*

Keywords: *Karl Marx’s and Joseph Schumpeter’s “Creative Destruction”; S. Eisenstadt’s Multiple modernities; Thermidore; F. Brodel’s “la longue durée”; Soviet modernity; Party-State; Max Weber’s theory of “Plebiscitarian Democracy”; “Non-Liberal” Democracy; State-Civilization; Developmental State; Modernization traps; Sovereign model of development.*

Постановка вопроса о «капитале революций» выглядит откровенным вызовом. Вне зависимости от того, как его понимать — по Марксу или по Бурдье — исторический опыт показывает, что революция скорее разрушает капитал вместе со старым порядком, в недрах которого он накапливается. Новые формы капитала возникают преимущественно в постреволюционный период, в ходе консолидации нового порядка. Тем не менее проблематизация темы «капитал революций» выглядит продуктивной, потому что именно революционный переворот открывает дорогу новым «синтезам», прежде казавшимся немыслимыми и невозможными. Возникновение нового исторического качества, ранее не существовавшего, превращает революцию в «созидательное разрушение» в том смысле, который впервые увидел К. Маркс, а потом развивал Й. Шумпетер. Из «невозможных синтезов» и рождаются впоследствии новые формы капитала: политического, культурного, экономического. Для Великой русской революции 1917 г. таким «невозможным синтезом» стал феномен «советской современности».

Сравнительные исторические исследования позволили сделать вывод, что революция — это способ перехода в новую эпоху развития человечества, для которой характерны кар-

динальное расширение границ рукотворного мира: отныне его составной частью становится социальное устройство и политический порядок. Эта новая историческая эпоха получила название Современности [1]. Революция — учреждающее событие нового рукотворного мира. Известно, что многие страны совершили переход в Современность именно через революции [2]. Великую русскую революцию 1917 г. следует рассматривать именно в этом ряду.

Николаю Бердяеву принадлежит выразительная характеристика русской революции 1917 г.: «Счастливых революций никогда не бывало... Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало, и быть не может. Всякая революция бывает неудачной. Удачных революций никогда не бывало» [3]. Платить по счетам революции приходится всем, разница — в очередности: сначала это делают побежденные, но затем приходит и черед победителей. Исторический момент «расплаты победителей» получил обобщенное название «Термидора». Его значение не сводится к осуществлению «метафизической справедливости» (если таковая существует): «Термидор» означает завершение революции, после него становится ясным ее реальное содержание, происходит «кристаллизация смысла» [4]. Это было верным для Английской революции (в 1660 и 1688 гг.) и для Великой Французской революции (в 1794

и 1799 г.). Исторический опыт подсказывает, что Великая русская революция 1917 г. вряд ли стала исключением.

Правда, среди историков пока отсутствует согласие как в отношении содержания понятия «термидор», так и в обоснованности применимости этого понятия к русской революции 1917 г., а также того, когда именно он произошел [5]. Но в первом приближении можно говорить о двух последовательных, но разнонаправленных «термидорианских волнах»: одна была связана с НЭПом, другая — с «большим террором» 1930-х гг. С конца 1930-х гг. начинает становиться ясным, каким оказался реальный смысл и реальный капитал революции 1917 г.

В научной литературе, кажется, уже перестали спорить с очевидным: революция 1917 г. привела к модернизации экономики и общества в России. Понятие «советская модернизация», хотя и в различных версиях, заняла прочное место в истории и социальных науках [6]. (Из наиболее известных отечественных работ [7]). В концептуальном плане это стало возможным благодаря становлению теории «множественной Современности», родоначальником которой считается Шмуэль Эйзенштадт, автор работ по сравнительно-исторической социологии и цивилизационному анализу [8].

По-другому дела обстоят с оценкой преобразований политической системы. Политические перемены в послереволюционной России оцениваются негативно, как «шаг назад» из Современности. Революция 1917 г., вместе с предреволюционным и послереволюционным развитием выглядит как «кладбище» нереализованных позитивных альтернатив — либеральных или «истинно-социалистических», в зависимости от пристрастий авторов. Утверждается, что никакого нового политического капитала революция 1917 г. не создала [9]. Одно из немногих исключений — работы Йохана Арнасона [10, 11].

Но так ли это? Для установления подлинного смысла революции 1917 г. требуется «большой масштаб»: соотнесение с тысячелетней истории России и всемирной истории человечества. Маштабом, соразмерным последствиям 1917 г. как события, обладает «время большой длительности» (“la longue durée”) Ф. Броделя (или «долгое время»), центральное место в котором принадлежит понятию «цивилизация» [12].

«Долгое время» подвергает крупные исторические события суровому испытанию: «Цивилизации переваривают социальные перевороты и катастрофы. Даже смена правящего класса не меняет принципиального характера продолжающегося развития, погруженного в «большую длительность» [13].

Масштабная оценка обязана быть всеобъемлющей, включать и приобретения, и утраты. Искушения и ловушки возникают при их соотношении. Одна из таких: противопоставление гипотетически возможных (или желаемых в настоящее время) вариантов развития событий утратам, сопряженным с «реальным ходом истории». Конфликт «реального» и «идеального» может сопровождаться «обнулением» исторических приобретений и обесценению пройденного пути. Похоже, именно в эту ловушку мы попали после 1985 г., надолго заигравшись в «альтернативную историю»: а если Февраль — без Октября? Ленин — без Троцкого? Если Бухарин — вместо Сталина? Индустриализация — без коллективизации? Консолидация нового политического порядка — без массовых репрессий? Победа в 1945 г. — без верховного главнокомандующего? Советская история — без форсированного развития?

Сейчас постепенно становится ясно, что понимание высокой цены революции призвано побуждать к иному отношению к историческому прошлому: приобретения, достигнутые невероятной ценой, должны оцениваться как особо и особенно ценные.

Так что же можно считать «капиталом» Великой русской революции? Как можно оценить «советское наследие»? Краткую формулу «капитала» революции 1917 г. можно обозначить при помощи знакомой аббревиатуры — СССР, но расшифровывать ее следует по-новому: «Современность» + «Суверенитет» + «Сверхдержава» + «Развитие». Попробуем раскрыть содержание каждого из четырех составляющих политического капитала русской революции.

Начнем с «Современности». Первоначально политическая современность утверждается в своей утопической версии: как практическая реализация идеологии революционных элит. В момент прихода к власти «вожди Октября» — органическая часть крайне левого европейского социализма и ультрарадикальная версия российского «западничества». Во многом это относится и к «энтузиастам Октября» — немно-

гочисленным представителям интеллектуальной и культурной элиты, поддержавшим большевиков. Их объединяет стремление слиться с «революционным пролетариатом» Европы и Америки и ориентация на полный разрыв с историческим прошлым России («азиатчиной»). Они антигосударственники («Интернационал») и последовательные антитрадиционалисты. Они исповедуют собственную версию «конца истории», создания нового порядка с «чистого листа» из первобытного социального хаоса. Они поклоняются естественным наукам и верят в «социальную инженерию» (хотя и не знакомы с таким понятием).

Таковы авангардное искусство начала 1920-х гг., социальные проекты Александры Коллонтай, педагогика Надежды Крупской, увлечение эсперанто и подготовка к переводу русского языка с кириллицы на латиницу (среди сторонников — нарком просвещения Анатолий Луначарский), нравы раннего комсомола, история Михаила Покровского и многое другое. Была реализована практически в полном объеме повестка левого политического и культурного авангарда Запада: от рабочего контроля на производстве (8-часовой рабочий день был установлен еще Февральской революцией), полного гражданского равноправия женщин, отделения церкви от государства и уголовного наказания за антисемитизм, до декриминализации гомосексуализма (последнее — как дань идеологической моде, так и уступка нравам части партийных верхов). Помимо «идеологического авангардизма», политику победившего большевизма в 1920-е — начале 1930-х гг. отличает отчетливый отпечаток «классовой мести». (Наиболее яркое проявление — перевод представителей бывших «привилегированных классов» в дискриминируемую категорию «лишенцев». Полное официальное определение выглядело более выразительно: «бывшие люди».)

С переходом к систематическому государственному строительству, а затем и форсированному экономическому развитию начинается постепенное освобождение от раннереволуционной утопии. Базовая лексика остается прежней, но смыслы меняются. Политическая повестка «национализируется» и «заземляется». «Марксистские книжники», носители отвлеченного идеологического знания, и блестящие партийные публицисты вытесняются сначала

на политическую периферию, а потом и в политическое небытие (часто — физическое). (Способом интеллектуального самосохранения для не пожелавших с марксизмом порвать стала «эзотерика» [14]). Их место занимают гораздо менее яркие, но не менее колоритные фигуры практиков «социалистического строительства». Утверждение идеологического канона сопровождается расширением влияния периферии большевизма, «старой» и новой («космизм», «национал-большевизм», «сменовеховство»). (Одним из первых это отметил М. Агурский [15]). По мере формирования советской массовой культуры усложняются взаимосвязи между официальной идеологией и советским обществом [16].

Контуры новой советской современности в экономике, государственном строительстве, социальном развитии и культуре рождаются из самых неожиданных сочетаний. Атеистическая идеология превращается в новую «светскую религию», в которой причудливо переплетаются рациональные и идеократические начала. Политическая партия интегрируется в административную систему на постоянной основе. Научное планирование сочетается с командно-бюрократическим управлением в экономике. Индустриализация проводится без участия своего «естественного» субъекта в лице частных предпринимателей. Возродившаяся политическая архаика в лице Советов превращается в официальную основу новой государственности. В стране утверждается нечто похожее на «языческий культ» техники, производства и крупной промышленности. Несомненные атрибуты Современности, такие как кинематограф, радио и массовый спорт используются для укоренения романтически окрашенных коллективных форм жизни — новых и «подсказанных» традицией.

Вторая составляющая политического капитала революции — восстановление суверенного государства — реализуется на новой основе: с опорой на перевернутую социальную иерархию, продукты политической архаики и периферии. Политическая партия, которая большую часть жизни провела в подполье, не имела опыта государственного управления и реалистических представлений о ближайшем будущем, по праву победителя занимает центральное место в новой политической системе. Становление новой государственно-

сти не завершается в 1922 г. с созданием СССР, а растягивается на два послереволюционных десятилетия.

Происходит масштабная «национализация» элиты: принципиально расширяются каналы рекрутирования, резко сокращается дистанция, разделяющая управляющих и управляемых, которые после двухсотлетнего перерыва объединяются на основе общей системы представлений. Массовый террор 1930-х гг. завершает преобразование послереволюционной элиты в новый класс «политических управленцев». В ходе гибридизации партии и Советов рождается новый политический феномен — «партия-государство», который превращается в стержень советской политической системы. Правящая партия становится новым — и обязательным — посредником в отношениях между государством и обществом. «Партизация» сопровождается переводом этих отношений на идеологическую и программную основу.

Это наделяет «партию-государство» высокими мобилизационными способностями, делает возможным глубокое проникновение в общество и обеспечивает повышение интеграционного потенциала нового политического порядка. В рамках советского политического порядка идет активное преодоление цивилизационных «расколов» и конфликтов дореволюционной эпохи. Безусловная заслуга советской современности состоит в том, что она повысила запас прочности государства. Это позволило следующему историческому перелому в 1991 г. стать менее разрушительным и болезненным, чем тот, который имел место в 1917 г. и после него.

Но можно ли считать советские политические формы «современными»? Разумеется — да, если сравнивать их не с проектами революционных элит или предписаниями нормативной теории демократии, а с реальным политическим опытом первой половины XX в. в Европе и Азии. Практически повсеместно это время острого кризиса парламентаризма, эпоха плебисцитов, харизматических лидеров, сильных партий и сильных идеологий. Начало движения в этом направлении было замечено и концептуализировано Максом Вебером в «теории плебисцитарной демократии» [17]. (О последующем развитии идеологии и практики «нелиберальной» демократии [18]). Но в полной мере эти тенденции развернулись

позже, в 1920–1940-е гг.: «национализация» политических элит, «партизация» государства и гражданского общества, ужесточение политической конкуренции и его последствия. Это точки схождения, сближения или пересечения с советским политическим порядком того времени.

Третья составляющая политического капитала революции — «Сверхдержава». Хотя в геополитическом смысле СССР превращается в «сверхдержаву» только после 1945 г., фактическая заявка на альтернативный центр миропорядка и особое «государство-цивилизацию» была сделана уже в Октябре 1917 г. Она получила окончательное закрепление в 1925 г., после провозглашения курса на «построение социализма в одной стране». Несмотря на преемственность с дореволюционной традицией, которая становится очевидной с середины 1930-х гг., советская версия «государства-цивилизации» создается на новой основе. Она возникает в ходе мировоззренческого переворота: глубокой трансформации пространственных, временных и смысловых координат.

Содержание мировоззренческого переворота можно сформулировать следующим образом:

- 1) секуляризация: резкое расширение границ научного знания и практического действия;
- 2) изменения содержания человеческого мышления, вызванные массовым распространением грамотности;
- 3) масштабирование представлений о стране и о месте страны в мире: сначала «небо», а затем и «космос» превращаются в составную часть образа страны; представления о месте в мире вновь становятся соразмерными «большой стране»: забытый образ «Третьего Рима» превращается в «авангард человечества»;
- 4) принципиальная смена представлений о времени: коллективное будущее впервые приобретает статус высокой социальной ценности и становится основой для политического целеполагания.

Кардинально меняются и социальные представления. Несмотря на вездесущее присутствие «партии-авангарда», основание новых представлений об обществе образует образ нового «верховного суверена», учреждающего рукотворный политический порядок («народ»). После двухсотлетнего раскола, порожденного петровской модернизацией, возвращается, но

уже в новой, «светской» форме, убежденность в необходимости единства по фундаментальным вопросам между управляющими и управляемыми. В качестве идеала, к которому надлежит стремиться, утверждается образ общества без жестких «внутренних перегородок».

Без нового «государства-цивилизации», родившегося в 1917 г., превращение в «сверхдержаву» после 1945 г. вряд ли бы состоялось. Принципиально важно, что трансформация массовых представлений не сводится к усвоению коммунистической идеологии. С позиций исторической ретроспективы обнаруживается, что в мировоззренческом перевороте коммунистическая идеология сыграла преимущественно инструментальную роль, поскольку ее самостоятельное содержание необратимо «выхолащивалось» в течение всего советского периода [19].

Четвертая составляющая политического капитала — «Развитие». Общеизвестным содержанием советской истории стали индустриализация, урбанизация, культурная революция, а также социально-экономические преобразования и научные достижения после окончания Великой Отечественной войны. Но главным завоеванием следует признать восстановление «суверенной» модели развития. Известно, что развивавшаяся высокими темпами Россия в преддверии революции 1917 г. оказалась в глубокой финансово-экономической и внешнеполитической зависимости от внешних центров. Но этим состояние несамостоятельности не исчерпывалось.

В список выделяемых в научной литературе «модернизационных ловушек», способных привести к кризису государства и революционному взрыву («урбанистская», «марксова» и «молодежная») [20], можно добавить и еще одну — «когнитивистскую». Речь идет об утрате способности к проектированию будущего на основе самостоятельной рефлексии над собственным опытом и традицией. К 1917 г. российские элиты и контрэлиты оказались практически в полной «когнитивной зависимости»: будущее страны прочно связывалось с предписаниями «универсалистских идеологий». (Расходились только в том, что именно следует заимствовать: «парламентаризм» или «социальную демократию».) Утрата суверенной модели развития сделала возможным сначала втягивание России в Первую мировую войну,

а затем и попытки реализации в стране последовательно двух утопических проектов — либерального и социалистического.

Советская версия «государства-цивилизации» позволила воссоздать динамическое единство культуры (мысли) и политики («государственного дела»): оно было основой петровской модернизации в начале XVIII в., но практически исчезло к началу XX в. в результате отчуждения «образованного общества» от самодержавной власти. Советский симбиоз политики и культуры позволил восстановить на определенный исторический период модель развития с опорой на самостоятельное целеполагание. Фактически СССР стал первой исторической разновидностью «государства развития» — политэкономического феномена, в полную силу заявившего о себе во второй половине XX в. в Японии, во Франции, Израиле, Мексике, Бразилии, государствах Юго-Восточной Азии. («Государству развития» посвящены многочисленные исследования зарубежных авторов [21]). Особенности социально-политического порядка «государств развития» также обнаруживают типологическую близость к советской политической системе (доминантные партии, корпоративистские модели взаимодействия с гражданским обществом). Со временем внутренние изъяны советской версии «суверенного развития» (чрезмерная закрытость, подавление независимой рефлексии, снижение качества политического руководства) привели к потере стратегических ориентиров и в конечном счете — к распаду советского «государства-цивилизации».

В исторической перспективе «невозможный» симбиоз утопии, архаики и традиции, возникший в обстановке катастрофы 1917 г. и послереволюционных потрясений, оказался продуктивным. Страна вышла на новые рубежи развития: были созданы новая государственность, современная промышленность и современная армия, реализованы масштабные проекты социальных преобразований, связанные с индустриализацией и урбанизацией, созданы большая наука (фундаментальная и прикладная) и новая культура, одержана победа в величайшей войне XX в., создано «абсолютное оружие» и завоеван космос. Советская эпоха оставалась жизнеспособной до тех пор, пока сохранял свою продуктивность «капитал», рожденный послереволюционными синтезами.

Советская история, берущая отсчет от революции 1917 г., необратимо преобразовала Россию, а Россия, превратившаяся в СССР, впервые стала действительно всемирной: она изменила структуру миропорядка и ритмы мировой истории. Так было в 1917, 1945 и 1991 гг. Так произошло снова уже в постсоветский период в 2014 г. Научное переосмысление исторического опыта революции 1917 г. в новой системе координат («созидательное разрушение», «множественная Современность», «долгое время») создает концептуальные основы для изучения «советской современности» как полноправной части тысячелетней истории России и всемирной истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998.
2. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
3. Бердяев Н. А. Размышления о русской революции. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 438.
4. Полякова Н. В. «Закон Термидора»: традиции и новации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 3. С. 98–106.
5. Шульц Э. Э. Моделирование революций (К дискуссии о стадиях) // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 158–173.
6. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР. Отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная // Новое литературное обозрение. 2016. № 4.
7. Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
8. Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Part I. Leiden, Netherlands. 2003.
9. Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015.
10. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
11. Арнасон Й. Советская модель как форма глобализации // Неприкосновенный запас. 2013. № 4 (90).
12. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь Мир, 2008.
13. Хакимов Г. А. «Время большой длительности» Фернана Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 8.
14. Дудник С. И., Рукавишников А. Б. Идеологические трансформации марксизма в СССР 20-х гг. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 2.
15. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
16. Зудин А. Истоки перемен. Культурная трансформация позднесоветского общества // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4, 5.
17. Масловский М. В. Легитимность плебисцитарной демократии как теоретическая проблема социологии политики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4. С. 13–19.
18. Мюллер Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
19. Зудин А. «Культура имеет значение»: К предыстории российского транзита // Мир России. 2002. № 3. С. 122–158.
20. Гринин Л. Е. Государство и кризисы в процессе модернизации // Философия и общество. 2013. № 3. С. 29–59.
21. Woo-Cumings M. / ed. The Developmental State. Cornell, CA: Cornell University Press, 1999.

REFERENCES

1. Kapustin B. G. Present as subject of the political theory [Sovremennost' kak predmet politicheskoy teorii]. Moscow, ROSSPJeN, 1998 (In Russ.).
2. Jeizenshtadt Sh. Revolyution and transformation of societies. Comparative studying of civilizations [Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij]. Moscow, Aspekt Press, 1999 (In Russ.).
3. Berdjaev N. A. Reflections about the Russian revolution. New Middle Ages. Reflection about the fate of Russia and Europe [Razmyshlenija o ruskoj revoljuci. Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy]. Moscow, 1991, p. 438 (In Russ.).

4. Poljakova N. V. "Law Termidora": traditions and innovations [«Zakon Termidora»: tradicii i novacii]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta — Bulletin of the St. Petersburg university*, 2014, no. 3, pp. 98–106 (In Russ.).
5. Shul'c Je. Je. Modeling of revolutions (To a discussion about stages) [Modelirovanie revoljucij (K diskussii o stadijah)]. *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii — Historical psychology and sociology of history*, 2015, no. 2, pp. 158–173.
6. Djevid-Foks M. Modernity in Russia and the USSR. Absent, the general, alternative or bound [Modernost' v Rossii i SSSR. Otsutstvujushhaja, obshhaja, al'ternativnaja ili perepletennaja]. *Novoe literaternoje obozrenie — the New literatery review*, 2016, no. 4.
7. Vishnevskij A. G. Sickle and ruble: Conservative modernization in the USSR [Serp i rubl': Konservativnaja modernizacija v SSSR]. Moscow, OGI, 1998.
8. Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Part I. Leiden, Netherlands, 2003.
9. Malia M. Lokomotiv of history: Revolutions and formation of the modern world [Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira]. Moscow, ROSSPJeN, 2015 (In Russ.).
10. Arnason J. Communism and modernist style [Kommunizm i modern]. *Sociologicheskij zhurnal — Sociological magazine*, 2011, no. 1, pp. 10–35 (In Russ.).
11. Arnason J. Soviet model as globalization form [Sovetskaja model' kak forma globalizacii]. *Neprikosnovennyj zapas — Emergency ration*, 2013, no. 4 (90) (In Russ.).
12. Brodel' F. Grammar of civilizations [Grammatika civilizacij]. Moscow, «Ves' Mir», 2008 (In Russ.).
13. Hakimov G. A. "Time of big duration" of Fernán Brodel as methodological principle of social and humanitarian knowledge [«Vremja bol'shoj dlitel'nosti» Fernana Brodelja kak metodologicheskij princip social'no-gumanitarnogo poznanija]. *Voprosy filosofii — Philosophy Questions*, 2009, no. 8 (In Russ.).
14. Dudnik S. I., Rukavishnikov A. B. Ideological transformations of Marxism in the USSR the 20th [Ideologicheskie transformacii marksizma v SSSR 20-h gg.]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii — the Bulletin of the Russian Christian humanitarian academy*, 2013, vol. 14, issue 2 (In Russ.).
15. Agurskij M. Ideologiya of national bolshevism [Ideologija nacional-bol'shevizma]. Parizh, 1980 (In Russ.).
16. Zudin A. Sources of changes. Cultural transformation of the late Soviet society [Istoki peremen. Kul'turnaja transformacija pozdnesovetskogo obshhestva]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija — World economy and international relations*, 1999, no. 4, 5 (In Russ.).
17. Maslovskij M. V. Legitimnost of plebistsitarny democracy as theoretical problem of sociology politicians [Legitimnost' plebiscitarnoj demokratii kak teoreticheskaja problema sociologii politiki]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta — Messenger of the Vyatka state humanities university*, 2009, no. 4, pp. 13–19 (In Russ.).
18. Mjuller Ja.-V. Disputes about democracy. Political ideas in Europe of the XX century [Spory o demokratii. Politicheskie idei v Evrope XX veka / per. s angl. A. Jakovleva]. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 2014 (In Russ.).
19. Zudin A. "Culture matters": To background of the Russian transit [«Kul'tura imeet znachenie»: K predystorii rossijskogo tranzita]. *Mir Rossii — World of Russia*. 2002, no. 3, pp. 122–158 (In Russ.).
20. Grinin L. E. State and crises in modernization process [Gosudarstvo i krizisy v processe modernizacii]. *Filosofija i obshhestvo — Philosophy and society*. 2013, no. 3, pp. 29–59 (In Russ.).
21. Woo-Cumings M. / ed. The Developmental State. Cornell, CA: Cornell University Press, 1999.